

Социалистическая Россия – утопия или реальная возможность? (Беседы о прошлом, настоящем и будущем социалистической идеи)

Беседа первая. «В душе смеемся над царями...»

Смиряться под ударами судьбы
Иль надо оказать сопротивление?

(Шекспир. «Гамлет»)

Нет ничего бессмысленнее
терпения и смирения
(А.С. Пушкин)

Я заболеваю, когда читаю о декабристах.

Заболеваю. Потому что это непереносимо, когда царствующий мерзавец, окруженный палачами и такими же, как он, подонками в золотом расшитых мундирах, во всеоружии тюрем, полицейских ищек и пыточных камер, - когда это бандитски-всемогущее ничтожество изгаляется над плененными его бандой беззащитными людьми – цветом русской нации, русской культуры...

Вначале, конечно, - холоп, генерал Левашов. Вначале потерзает он. Может, и без прямого участия главного негодяя всё получится.

Левашов: «Милостивый государь, не думайте, что нам ничего не было известно. Вы должны были еще в 1818 году нанести удар императору Александру... Я вам даже расскажу подробности намеревавшегося вами цареубийства: из числа бывших тогда на совещании ваших товарищей – на вас пал жребий».

Якушкин: «Ваше превосходительство, это не совсем справедливо...» (ну, вот, верно, успел подумать Левашов, начинается обычная история: будет сейчас вертеться и выкручиваться). «Это не совсем справедливо, - продолжал Якушкин, - я вызвался САМ нанести удар императору и не хотел уступить этой чести никому из моих товарищей».

Всё! После этого Левашову (если бы он был чуть-чуть умней и чуть-чуть порядочней) следовало бы заткнуться и

больше не беспокоить вопросами своего скромного, деликатного, интеллигентного, но совершенно нестигаемого «собеседника».

Но этот генерал-дурак изволил продолжать:

- Не угодно ли вам будет назвать тех из ваших товарищей, которые были на этом совещании?

И, естественно, снова натывается на нечто для него, высокопоставленного холуя, непонятное и необъяснимое:

- Этого я никак не могу сделать.

И тогда (ну, кретин! ну, совершенный дурак!) - крик и угрозы:

- Так вас заставят назвать их. Я скажу вам, что в России есть пытка.

А в ответ – снова – предельная вежливость:

- Очень благодарен вашему превосходительству за эту доверенность; но должен вам сказать, что теперь еще более, нежели прежде, я чувствую своею обязанностью никого не называть.

Ну, тут уже на арену выскакивает сам (любящий, на манер Полония, подслушивать за шторами) главарь властвующей шайки. Поначалу Николай Романов тщится изображать величавость:

- Вы нарушили присягу... Что вас ожидает на том свете (*во как: сразу «тем светом» пригрозил!*)? Проклятие... Что же вы ничего не отвечаете?

- Что вам угодно, государь, от меня?

(*Ах, ты сукин сын, плебей подлый! Имеешь наглость «не догадываться», что я от тебя хочу!*)

- Я, кажется, говорю вам довольно ясно: если вы не хотите губить ваше семейство (*знает, подлец, как переживает его пленник за свою юную жену, за недавно родившегося сына!*), если вы не хотите губить ваше семейство и чтобы с вами

обращались как со свиньей (*величавый тон и претендующие на благородство жесты испарились вмиг!*), то вы должны во всем признаться.

Весь этот скрежет зубовой не производит на «пленника» никакого впечатления.

- Я дал слово не называть никого; всё же, что знал про себя, я уже сказал его превосходительству...

Переходя на визг:

- Что вы мне с его превосходительством и с вашим мерзким честным словом...

А тот всё так же невозмутимо и непоколебимо:

- Назвать, государь, я никого не могу.

«Император, - вспоминал потом в своих «Записках» Иван Дмитриевич Якушкин, - отскочил три шага назад: «Заковать его так, чтобы он пошевелиться не мог!». И потрясающий комментарий Ивана Дмитриевича: «Я боялся... (*чего? угроз, пыток?*) я боялся, что царь уничтожит меня, говоря умеренно и с участием, что он победит великодушием».

Вот ведь как: «участия» и «великодушия» царского боялся Иван Дмитриевич. Ибо если бы Николай Романов оказался «великодушным» (т.е. – как и они, декабристы, болел душою за нищенствующий, пребывающий в невежестве и крепостном рабстве народ) и «участливым» (т.е. – стремился, как и они, декабристы, отменить крепостное право и ограничить самодержавное правление конституцией, создав зачатки «правового государства»), если бы так было, то восставать против него, видеть в нем «врага», обрекающего Россию на долгий исторический застой, - было бы нелепостью, заблуждением, ошибкой. С умным, великодушным государем, понимающим требования исторического прогресса и интересы большинства возглавляемого им народа, не воевать нужно. Руку протягивать – чтобы идти вместе.

Но царь, как и ожидалось, оказался мелким трусом и большим негодяем. «Во время этого допроса, - отметит Якушкин, - я был спокоен... Я был спокоен, потому что во время допроса я был (нравственно) сильнее его».

А потом арестованного передали еще одному холую Романова – коменданту, с очень подходящей тому фамилией – Сукину. И что же Иван Дмитриевич? Ну, не из железа же он, и перспектива пытки не может не омрачать его мысли. И о чем же он думает в эту минуту? Может, как избежать её?

Ни в малейшей степени! «Я молил об одном – чтобы Бог дал мне силы перенести пытку!».

«Наконец, - продолжает он в своих «Записках», - в ближних комнатах послышался звук железа и приблизилось много людей (*будут жечь железом? сдавливать голову? дробить кости надеваемом на ногу «испанским сапогом»?* Боже, дай сил выдержать!). Впереди всех – комендант... Он подошел к свечке, поднес к ней листок с почтовой бумагой и сказал с расстановкой: «Государь приказал заковать тебя...». На меня кинулось несколько человек, посадили меня на стул и стали надевать ручные и ножные железа». И дальше, дальше, слушайте же, читайте: «Радость моя была невыразимой (!): я был убежден, что надо мной свершилось чудо: железо еще не совсем пытка».

А потом – камера в 4 шага шириной, решетки на оконцах, замазанных белой краской, - чтобы ни солнца, ни неба не видеть. Ну, и все прочие аксессуары одиночки. «Когда я остался один, я был совершенно счастлив(!)». Правда, «ходить по комнате мне было нельзя, потому что в железах это было неудобно». Но главное даже не в этом, читайте, читайте, господа: «Я опасался, что звук желез, (*т. е. – кандалов*) произведет неприятное чувство в соседях». И

дальше: «Я лег спать и спал бы очень спокойно(!), ежели бы порой не пробуждали меня наручники».

Ну, и т. д., ну, и всё такое подобное – до приговора, который в первоначальном варианте приговаривал Ивана Дмитриевича вместе с друзьями к смертной казни(!), замененной затем 20-летней каторгой (*такое вот «послабление»!*).

Да, когда я читаю о декабристах, я заболеваю, потому что не могу придти к ним на помощь. Я читаю, сжимаю кулаки и скриплю зубами. Я поднимаюсь из-за стола и нервно хожу по коридорам Ленинки, повторяя вслед за Герценом: «Проклятье вам, проклятье! И если возможно – месть!!».

И отомстить им я всё же могу – Словом! И защитить тех, бесконечно дорогих мне людей, тоже смогу, и тоже – Словом! И может быть, даже (если получится) – Делом. Делом всей своей жизни. Защитить их, между прочим, не только от тех, прежних, подонков, но и от нынешних – прославляющих «государственнический» ум и «державный» нрав Николая и забрасывающих комьями грязи ту молодую, свободо-народо- и отечество-любивую интеллигенцию первой четверти XIX столетия.

А какое невероятное достоинство явили они миру – когда, казалось, полностью разбиты их жизни, поломаны их судьбы, сорваны с их незапятнанных офицерских мундиров ордена, завоеванные ими на полях сражений с наполеоновскими армиями. Бесконечное благородство и мужество на допросах, в казематах Петропавловки, на каторге и в прикаторжных сибирских поселениях! И – перед виселицей: Рылеев, поднимаясь к петле, берет руку священника и подносит ее к сердцу: «Слышишь, отец, оно не бьется сильнее прежнего...». И этот их знаменитый ответ из Сибири на проникновенное пушкинское послание «Во глубине сибирских руд...»:

Но будь покоен, бард! - цепями,

Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.

И Пушкин, величайший и безупречнейший Гражданин России, преклонявшийся перед подвигом декабристов, однажды заметил: Я понимаю, почему они не приняли меня в свое Тайное общество, – я был недостойн этой чести.

Никаких слез, никаких слюней в их письмах из Сибири и в их Дневниках, никакого даже намека на раскаяние. И я понимаю Некрасова, который, слушая воспоминания Марии Николаевны Волконской (юной княгини, последовавшей за своим мужем-декабристом в Сибирь), которые читал ему ее сын, то и дело вскакивал, шепча: «Довольно, я не могу больше!», подбегал к камину, садился перед огнем и, сжимая руками голову, начинал рыдать, как ребенок.

Нет, братья мои и сестры во России, у нас есть свои – не придуманные, не «назначенные», а подлинные – «святые». И первые среди них – молодая декабристская интеллигенция.

Да, они имели все данные и все основания возглавить Россию, и это были бы великие годы в ее истории. Вот тогда бы Отечество наше не в гоголевских мечтах, а в реальности полетело бы птицей-тройкой по белу свету.

Но не случилось, не сошлось. Подонки – который раз в истории нашей страны – взяли верх.

... Ивана Дмитриевича после долгих лет рудников и каторги доставили в глухое сибирское поселение Ялуторовск.

Они-то вот, все эти Левашовы-Сукины, по столичным гостиным сучили своими лакированными сапожонками, навешивали ордена и звезды на свои сюртуки и мундиры и посмеивались над затоптаннами в грязь, замурованными в Сибири «недотепами-бунтарями». Они-то, Сукины-Левашовы, «историю творят», а те, безвестные и проклятые,

барахтаются где-то там, в сибирской грязи, на самом дне социального колодца.

И не знали, не ведали эти Левашовы-Сукины, что останутся они в истории единственно по той причине, что волею судьбы соприкоснулись они с теми «несчастливыми» бунтарями, только потому, что орали на них, угрожая пытками, только потому, что заковывали в «железо» их руки и ноги.

... И когда в столичных салонах Левашовы-Сукины самодовольно и пустопорожне толковали о вопросах «большой политики», Иван Дмитриевич Якушкин месил грязные улицы Ялуторовска, ходил по убогим крестьянским избенкам и ... уговаривал(!) ребятишек записываться в школу, которую он задумал открыть.

Воспоминания его бывших учеников наполнены впечатляющими рассказами о том, как он это делал – столько в описываемых ими сценках человеческого тепла и милого, доброго юмора.

Вот поздним вечером, вспоминает один из них – Михаил Знаменский, Иван Дмитриевич подходит к сидящим у костерка ребятам. И начинается презабавная беседа.

- Вам что же, не хочется спать? – смеясь, спрашивает Иван Дмитриевич.

- Чего спать-то? Выспимся еще – не баре, - заметил Костя Мотовилов.

- Разве только барам и спать?

- А чего им больше делать – есть да спать.

Якушкин внимательно посмотрел на паренька.

- Ты грамотный?

- Не-а.

- А учиться не хочешь?

- А на што нам?.. Нас и дома дерут ладно.

- Разве непременно драть надо, чтобы грамоте научить?

- Ну, да. Не поймешь – так за то и дерут. Не надо, на што нам грамота-то?

- Ты парень умный, а с грамотой тебя каждый купец в приказчики возьмет. Честно, да хорошо будешь жить, так и сам со временем купцом будешь.

Мотовилов задумался.

- Нет, трудно, не пойму...

- Тебе который год?

- Четырнадцатый.

- Ну, вот когда через полгода, а может и раньше, выстроим у собора школу, и если твой отец тебя отпустит, так приходи. Попробуй – драть там не будут.

- Отец отпустит.

- Ну, и кончено дело. А ты (к Ваньке) не хочешь учиться?...

«Якушкин записал наши фамилии и пошел к себе... Весело шел по длинной и пустой улице Иван Дмитриевич. Молотилов значился в его списке уже двадцатым. И все двадцать, после разговора с Иваном Дмитриевичем, изъявили желание учиться: кто хотел узнать, какие такие люди да города есть на свете; кто мечтал о будущей писарской карьере; кто хотел научиться, как мельницы разные да машины строить. Отличаясь способностью сходитья с простым народом, Якушкин действовал на мальчуганов с разных сторон и умел показать грамоту, как двери к интересному практическому (!) ремеслу».

В 1842 году открылась созданная Якушкиным школа. 44 мальчугана сели в ней за парты. А четыре года спустя появилась и школа для девочек – единственная в Западной Сибири!

К 1856 году (году окончания ссылки Ивана Дмитриевича) в непролазно-темной, крепостнической России, в одном из самых диких ее углов – почти тысяча (!) мальчиков и девочек

окончили Якушкинскую школу. Тысяча человек, выведенных из темного царства к свету!

Вот так-то, генерал Левашов! Вот так-то Сукин-комендант! И ни за что на свете не променял бы Иван Дмитриевич общение со своими ребяташками на ваши ползания по карьерным лестницам.

Да, наверное, по случаю ваших юбилеев, ваши подчиненные подхалимы писали в своих адресах какие-то лицемерно-признательные слова. Но что стоят они по сравнению с той чистотой и непосредственностью обожания, которым пользовался презираемый вами «неудачник с загубленной судьбой» Иван Дмитриевич Якушкин! «Только раза два проносился между нами слух, что закроют нашу школу, и вешали мы голову, и соображали, зачем и почему? Редкое явление, не правда ли: что мы, ребята, любили школу и учились без розги!».

А вот свидетельство бывшей ученицы Якушкина – А. Созонович, дающее некоторое представление о методах его педагогической работы: «Иван Дмитриевич привлекал детей своим терпением и веселостью. Он охотно удовлетворял их любознательность, отвечая на все вопросы, но и повторял по несколько раз, он затевал для них на дворе разнообразные игры и, к общей радости, сам участвовал в них... Перед ним благоговели за чистоту его безупречной жизни и безграничную любовь к ближнему, благотельно отражавшуюся на всех, кто бы ни встречался на его пути. Его пронизательный взгляд быстро подмечал выдающиеся в людях способности; он не пропускал возможности развить их, чтобы приложить к делу, соответствующему положению человека, и считал себя счастливым, если ему удавалось ободрить кого-нибудь, убедив, что у него есть доля способностей, над которыми стоит потрудиться, а не

оставлять их под спудом». И - маленькая, но потрясающая деталь, говорящая мне больше, чем что-либо, о педагогическом даре Якушкина. У Ивана Дмитриевича, вспоминает его ученица, была привычка прибавлять, даже после весьма серьезного разговора: «Впрочем, всё это вздор!»; и возражая, он восклицал: «Какой вздор!»; и вот от всех ребят, по поводу или без повода, только и слышно было: «Какой вздор!». Они все во всем хотели походить на своего учителя!

А отбывавший неподалеку свою ссылку Н.В. Басаргин рассказал об условиях, в которых пришлось вести свою просветительскую деятельность Ивану Дмитриевичу: «Имея очень ограниченные средства, он (Якушкин) уделял последнее на помощь ближним, и во всё время жительства своего в Сибири не мог завести даже шубы. В Ялуторовске, без всяких средств, он вздумал завести школу для бедного класса мальчиков и девочек, и одной своей настойчивостью, своей деятельностью и, можно сказать, сверхъестественными усилиями достиг цели. Для этого он в течение десяти лет должен был бороться не с одними надобностями, но и с препятствиями внешними. Правительство (*то есть все эти, Сукины-Левашовы*) строго воспрещало, чтобы кто-нибудь из нас имел влияние на воспитание юношества».

Одно только знаковое добавление к этому. Да, шубу Иван Дмитриевич так и не завел, и даже в сильные морозы ходил в подбитом ветром легком пальтице.

Но, - один из учеников это хорошо запомнил, - у него всегда был «ослепительно белый отложной воротничок». Учитель, как простой смертный, может дрожать на улице от холода, но в классе, там, где вершится великое дело Просвещения, он должен быть олицетворением Праздника!

И – свидетельство еще одного декабриста – Оболенского: «Если можно назвать кого-нибудь, кто осуществил своею жизнью нравственную цель и идею Общества (*Тайного Общества декабристов*), то, без сомнения, его (*Якушкина*) имя всегда будет на первом плане... Он преследовал всегда одну и ту же идею – идею пользы и добра, которую *видимо* осуществил в училище, *невидимо же* – в беседах, в жизни нравственной... Не быв облечен властью, он мог противопоставить пороку одно Слово, но оно имело силу, подкрепляемую примером жизни нравственной и деятельной на благо общества».

Иван Дмитриевич сам составлял учебники для своих учеников, чертил учебные таблицы, рисовал географические карты, клеил глобусы. Знакомился с более или менее толковыми молодыми людьми Ялutorовска и готовил из них учителей для своей школы. Тут вам и детская школа, и педагогический институт.

Вот Иван Дмитриевич сообщает (не без гордости, как об очень важном событии своей жизни!) своему другу Ивану Ивановичу Пущину, что он «начертал три глобуса», один из которых «послужил мне для опыта над шестилетней девочкой; ... этот опыт совершенно удался, маленькая наша ученица знает теперь всеобщую географию, конечно, лучше, нежели кто-нибудь в Тобольской губернии, не исключая и самих ее учителей».

У Платона есть притча, в которой повествуется о том, что лучшие из людей создаются матушкой Землей из золота и серебра, а наилучшие – из чистого золота.

«Из чистого золота» – это про наших декабристов.

Комментарий.

«Вы хотите рассказать о генезисе *социалистической мысли* в России. Но декабристы никакого отношения к «социалистической идее» не имели, - скажет мне перелопативший горы научной литературы аспирант-отличник. – Они, в лучшем случае, были *буржуазными демократами*. Их основные лозунги: «отмена крепостного права» и «конституционная монархия» (или по другим версиям, «конституционная республика») – не выходят за рамки *буржуазных* требований».

Я, как профессор, не могу поставить «пятерку» этому безусловно начитанному аспиранту. В лучшем случае «четверку» - за героический труд в читальном зале.

Вот если бы он вспомнил и по достоинству оценил мысль такого бесспорного социалиста, как Владимир Ульянов, что «социализм есть до конца доведённая демократия», если бы при этом он отметил, что абсолютное большинство декабристов были последовательными, убеждёнными *демократами*, то ему стало бы совершенно ясно, что мы имеем право рассматривать их как предтечей социалистической мысли. И - ставшая хрестоматийной - мысль Ленина о том, что именно декабристы «разбудили» великого русского *социалиста* Герцена, не только позволяет, но делает совершенно необходимым видеть в декабризме зародыш *социалистических* идей.

И, может быть, самое главное. Вы знаете, дорогой мой аспирант, что значит «социализм» на деле, в условиях подлейшего режима николаевских времён?

Это – когда человек, в лёгком, едва ни летнем, пальтишке по сорокоградусному сибирскому морозу спешит в созданную им на его жалкие гроши школу, чтобы – бесплатно! – научить грамоте ребятишек из бедных деревенских семей, мальчиков и девочек (!), которых он сам же и собрал, переходя из дом в дом и убеждая их не слишком понятливых родителей. И это, по-вашему, «буржуазный демократ»? Нет, пожалуй, и «четверки» будет для Вас многовато...